

ГРОМОВА
Марьяна

БЫВШИЕ

Мы встретимся вновь

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Марьяна Громова

Бывшие. Мы встретимся вновь

<https://litres.ru/74420777>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что делать, если ты вдруг осознал, что всю жизнь любил только одну женщину? Ту самую, которой изменял, которую бросил по самой глупой причине? Что делать, если всё потеряло смысл без нее?

Да только она уже не та влюбленная по уши девчонка, которая смотрела на тебя открыв рот, она - уверенная в себе, безумно красивая женщина. А еще, кажется, она теперь замужем и у нее есть ребенок.

Да ну, на фиг такое счастье! Не нужны мне такие заморочки... Только вот ее дочка чем-то похожа на меня. Да и я, как ни стараюсь, снова и снова еду к ее дому...

Марьяна Громова

Бывшие. Мы

встретимся вновь

1 глава. Неожиданно

Целый вечер я мечтаю спуститься на первый этаж отцовской хрущевки, найти нехорошего человека, который в сто десятый раз крутит одну и ту же песню и настучать ему по его лицу. Меломан хренов! Как можно слушать одну и ту же песню стопятысот раз? Не тошнит его там?

Курю на балконе, невольно мысленно повторяя слова. Я их уже выучил, блять!

Я жил по старинной привычке,

И свой ритуал не менял.

Но стал целый мир для меня безразличным,

Когда я тебя потерял...

Дебильная песня, которой лет сто уже, наверное, исполнялось.

Но, сука, каждое слово в точку! Просто вот идеально ложится в канву моей жизни!

Вот мне 37 лет. Бизнес, бабки, большая квартира в центре столицы нашей Родины, тачка. Дорогие шмотки, девки, клубы, друзья. Всё за-ши-бись!

Но неделю назад заболел отец. А я, надо сказать, был у них

с матерью единственным и поздним ребенком. Отцу скоро восемьдесят. И реально жизнь швырнула меня с небес мордой об асфальт. Потому что батю надо бы забирать к себе - вредный старикан практически не ходит. И нанимать для него сиделку...

Это в мою шикарную студию?

Ну, или, может, его в интернат для престарелых определить? Но это как-то... Хотя ведь в Европе в порядке вещей сдавать немощных родителей в подобные заведения! Да и я платить буду. И приезжать.

Кошусь в сторону комнаты. Отец недовольно тянет носом в сторону балкона, улавливая, что я снова курю.

- Уедешь, Тимка, - тоном "я всё про тебя наперед знаю", высказывает он. - Бросишь батьку. Сдохну тут один. Воды некому подать. Эх, была бы жива мать! Она бы тебя заставила остепениться. А то... Живешь, как бирюк - ни жены, ни детей! А тебе уже сороковник скоро. Мало я тебя ремнем в детстве учил... Мало...

Телефон без конца пикает входящими сообщениями. Это мой компаньон Макс строчит мне предьявы за то, как много ему приходится трудиться на благо наших трех общих магазинов по торговле бытовой техникой одному, пока я тут якобы прохлаждаюсь в родной деревне.

Задумчиво сбиваю пепел на асфальт, совершенно не вслушиваясь в бесконечное отцовское брюзжание.

И впервые в своей жизни вдруг неожиданно ловлю

необычный вайб. Такое странное ощущение, как будто, су-ка, жизнь течет сквозь пальцы, как вода, и непонятно, какой смысл был в том, что уже прошло! И правда, какой? Что у меня есть по итогу?

Квартира? Бизнес? Бабки? Случайные шмары, имена которых не помню?

Ни жены, ни детей...

В мозгу голосом отца занудливо ноет внутренний голос:

"А ведь всё уже могло бы быть у тебя, если бы тогда, в тридцатник, когда жил здесь после смерти матери пару месяцев, увез с собой Алинку. Ведь видел её тогда и хотел подойти, но не подошёл"...

А встречались мы задолго до смерти моей матери, лет семь, наверное, назад...

От воспоминания об Алинке привычно что-то дергает в районе сердца. Столько лет прошло, а всё еще дергает! Хотя тогда мне казалось - ни хера это не чувства какие-то там! Сколько у меня таких, как она еще будет! Не ценил ее любви. Изменял. Гулял. Думал, куда она денется, молоденькая глупышка, - будет терпеть и молчать. А она, зараза, просто взяла и не поехала со мной! Сказала, что не хочет оставлять больную раком мать одну. Но ведь можно же было просто приезжать сюда к ней иногда?

Я звал, она не поехала. Это был ее выбор.

А потом, в Москве, меня так закружила жизнь, что как-то не до этого было. Я об Алинке-то и не думал. Почти. Иногда

только вот так же, как сейчас сжималось что-то противное в районе сердца. Но спазм этот быстро проходил, гасимый спиртным, телками, клубами, работой.

Подливая масла в огонь, приятный мужской голос снизу, допев песню, затягивает ее снова:

Я жил не святой, не провидец,

Кутил и тебе изменял.

Всех женщин я до смерти возненавидел,

Когда я тебя потерял...

А ведь и правда. После Алинки у меня были только одно-разовые бабы - так, неделю в лучшем случае покутить.

Интересно, как её жизнь сложилась?

С хрустом разминаю плечи. Да ну, на хрен, голову себе подобной глупостью забивать. Замужем она. Узнавал же. Девчонка у нее растет. Всё. Выкинуть из головы и забыть!

- Тимка! - зовет отец, подслеповато щурясь в сторону балкона. - Сгоняй в магазин. Хочу на ужин жареной рыбы. Только чтобы морской, не речной. В речной костей много. И коньячку купи. У мамки нашей сегодня день рождения. Эх, Тимка! Ты об этом и не помнишь даже... И меня забудешь на следующий день, как только сдохну... На кладбище даже сходить будет некому. Я у Лидочки с начала лета не был. По-зарастало там все уже...

Хочется сказать ему что-то такое... Оборвать, заставить замолчать, но... Он ведь прав! Я и забыл, что сегодня мамин день рождения...

Молча собираюсь в магазин. Переодеваться лень. Так и прыгаю в машину в домашнем спортивном костюме.

По пути в супермаркет неожиданно для себя вдруг решаю купить цветов и съездить за город на кладбище - тут всего-то минут сорок пути. Гуглю в навигаторе ближайший цветочный магазин. Он оказывается практически по пути.

Раньше в этом месте кафешка была. В моей юности туда было модно девчонок водить. А теперь вот - вся стеклянная витрина уставлена разнообразными цветочными горшками, и чуть ли не до потолка тянутся джунгли.

Надо же магазинчик называется "У Алины" - в этом городе совпадение на совпадении! Мистика какая-то прямо...

Вхожу.

На входе радостно звенит колокольчик, сообщая о новом посетителе. У прилавка девушка спиной ко мне делает двум бабулькам букет из роз. Навстречу бросается девчонка лет семи. Рыжеволосая, зеленоглазая. Волосы в две задорные косички заплетены. На носу веснушками всё усеяно.

- Добрый день! - улыбается, как профессиональная продавщица. - Что вы хотели?

- Здравствуйте! - улыбаюсь в ответ. - Мне бы такие цветы... Ну, вот знаете, которые на кладбище можно отвести.

Боже, что я несу? Ребенку про кладбище, наверное, не надо было говорить? Что она-то в этом понимает?

- О, тогда вам хризантемы лучше взять. Красные. И обязательно четное число! - с видом профессионала отвечает она.

- Асенька, покажи, пожалуйста, покупателю свежие хризантемы из холодильника, - на нас оглядывается девушка-продавщица.

И я зависаю, теряя ощущение времени.

Алинка! Только не такая, какой я ее помню. Шикарная просто. Длинные волосы с рыжеватым отливом собраны во французскую косу, которая начинается прямо с затылка. Ей так идет, что просто слов нет! Глазищи зеленые огромные пораженно распахнуты. Черные аккуратные бровки вспорхнули на лоб.

Личико немного округлилось, нет уже тех острых скул и тоненькой шейки. Но выглядит так, словно вот только что сошла с обложки какого-нибудь журнала... для взрослых дядечек. Именно для дядечек, потому что там у нее такие губки...

Взгляд пытается сползти с ее лица, чтобы заценить и другие женские достоинства.

В глаза смотри, Громов!

- Тимур? - выдыхает она, роняя розу на пол.

Старушки, ахая, наперебой присаживаются, чтобы поднять цветок. А мы так и стоим, уставившись друг на друга.

- Алиночка, - говорит одна из старушек, выводя ее из оценки. - Ты пойді, обслужи молодого человека, а мы с Марусей подождем! Нам не к спеху... А там во-он, глянь-ка, на кладбище парень торопится...

И она идет ко мне.

А я бы и рад не паянчиться, но как? Как не смотреть? Глаза прямо-таки по-маньячьи, независимо от приказов мозга, мгновенно облизывают ее фигурку. Ох-ре-неть!

Хочется тупо сглотнуть слюну, но получается не с первой попытки. Кожаный яркий оранжевый фартук, конечно, немало скрывает, но он же и подчеркивает талию, выделяет грудь, обхватывая ее снизу. А там, под ним, находится платье...

Я раньше как-то и не задумывался об этом, но сейчас просто вот до глубины души уверен, что когда женщина в платье, она - прекрасна! Ни одни брюки, никакие костюмы, ни юбки даже не могу подчеркнуть особенность женщины, ее красоту так, как платья! А тем более такое, как у Алинки!

На ней надето что-то романтическое, светлое, в мелкий цветочек, рукавчики-фонарики, глубокий вырез, подол доходит до колена. Она шагает, а в вырезе слегка мелькает бедро... Красивые икры, розовые ноготочки видны в босоножках...

И это беспредел просто, но...

Я чувствую, как у меня встает.

- Привет, Сладкая, - зачем-то называю ее так, как звал когда-то. Хотя и понимаю умом, что вообще никакого права на это не имею!

- Я больше не Сладкова, - поджимает губы, отводя глаза в сторону.

- Замуж вышла? - просыпается во мне Капитан Очевидность.

Кивает, открывая дверь в холодильник и пропуская меня внутрь.

А когда мы оказываемся вдвоем в замкнутом пространстве, на меня внезапно наваливается какая-то глухота, что ли. Я вообще не слышу, что она мне там рассказывает про цветы! Я сбоку рассматриваю ее лицо. Вздернутый маленький носик, алые губки, ушко с капелькой сережки. И в голове - гул! Нет, я не маньяк какой-то там! Но... Как бы хотелось мне сейчас губами вжаться в это ушко. От волны возбуждения передергивает так, что руки в кулаки сжимаются, чтобы терпеть и не сделать ничего эдакого!

- Ну, так что будешь брать? - поворачивается ко мне, чуть улыбаясь. Успокоилась, взяла себя в руки - посмотри, Громов, как эта девчонка научилась владеть собой! По взгляду ее и не скажешь, насколько была обескуражена моим появлением здесь еще пару минут назад! - Какое количество? И что - розы, хризантемы, гвоздики? Цвет? На кладбище для кого? Для Лидии Гавриловны?

Надо же, помнит, как мою мать звали!

- Да, давай розы. Красные. Десять штук, - отмираю я, наконец. - Никакой упаковки.

Вытирает стебли, связывает их лентой под цвет бутонов.

А я зачем-то придумываю повод как-то продолжить общение. Но это же глупо, Громов! Ну, тебе же ясно дали понять, что девушка замужем, ребенок опять же... А кольцо? Кольца, кстати, нет на пальчике. Но какие у нее ручки... Сно-

ва зависаю, разглядывая ее, забыв напрочь и о ребенке, и о старухах.

Расплачиваюсь, забираю букет.

- Может, по старой памяти пообщаемся, в кафе посидим?
- спрашиваю, косясь на бабок. Они ловят каждое слово - переглядываются, понимающе кивая друг другу.

- Извини. Я не могу, - вскидывает на меня глаза.

И я отчетливо читаю в них обиду и боль. Но только мгновение. На секунду только. А потом она мило мне улыбается и поворачивается к бабкам, давая понять, что разговор со мной окончен.

- И так, милые дамы, на чем мы с вами остановились?

На выходе из магазина меня догоняет девочка, протягивает, смущаясь, похожую на бутон розы, красную лампадку.

- Возьмите. Мы когда к бабушкам с мамой ходим, всегда такие лампадки берем. Когда горит огонек, им оттуда, - поднимает глаза к потолку. - Нас видно становится.

Тянусь за картой, чтобы заплатить, но девочка качает головой.

- Не надо! Мама сказала, так дать.

Поворачиваюсь, киваю Алине, задумчиво глядящей мне в след.

И уезжаю.

И вот ведь странное дело. Стоит только врубить радио, чтобы музыкой выбить дурацкие мысли из моей головы, как оттуда тут же начинают доноситься звуки преследующей ме-

ня сегодня песни!

Шло время в игре бесполезной.

И кончился дьявольский бал.

И понял тогда, что стою я над бездной,

Когда я тебя потерял...

2 глава. Наваждение

Не знаю, что со мной. Просто вот наваждение какое-то!

Нет, может, это элементарно из-за того, что мне здесь, у отца, скучно просто дико, но я места себе не нахожу. От сигарет уже тошнит - я столько даже в армии не курил.

Вот как с кладбища приехал, так и тянет куда-то - но и понять не могу, куда мне надо ехать, что нужно делать, чтобы успокоиться.

- Чего ты там так долго, в магазине-то? Тут до ближайшего супермаркета пять минут ходьбы! - снова ворчит отец, пока я чищу рыбу. И вот нет, чтобы там, в зале сидеть, телек смотреть, ковыляет вслед за мной с ходунками. Три метра за полчаса прошел, весь в испарине! Ну, вот что за человек? - Да вы там, в Москве своей, совсем пешком не ходите, за хлебом и то на машине. Тимка, ну, кто так рыбу-то чистит? Глянь, чешуя на стенки летит! Ну, ты над ведром, что ли, чисти! Кто убирать будет?

- Я на кладбище ездил, - невпопад отвечаю ему. - Там убра-

но, кстати. И цветы в вазе стоят.

- Цветы? - переспрашивает отец, но по виду его я понимаю, что он в курсе, от кого этот неожиданный букет. - А-а, ну, цветы и цветы. День рождения все-таки.

Кошусь на него. Не, ну, мертвых ревновать смысла нет, конечно, но все-таки, батя, тебе не интересно, что у матери за тайные поклонники были? Но не спрашиваю. Потому что если спросишь, он же голову забьет своими рассуждениями.

- Отец, ты б лег! А то снова скорую ночью вызывать придется, - не выдерживаю, глядя, как трясутся его руки, упирающиеся в ходунки.

- Движение - жизнь. Знаешь, как мой батя, твой дед, говорил? Сядешь на ноги, попробуй еще подняться, а если сляжешь - всё, считай, помер. Так что я еще повоюю. Может, удастся на внучков посмотреть!

Этот туда же... Помню, как мать вечно внуками этими до-нимала! Как ни позвонит, так вечно тему в эту сторону сворачивает.

Жарю рыбу. Варю макароны. Накрываю нехитрый стол.

Отец уже давно в ожидании посматривает в сторону бутылки с коньяком. Нет, алкоголиком он не был никогда, но бывало, что с работы в хорошем подпитии приходил. Помню, как мать его ругала, но так, без злобы, с умилением как-ким-то. Как обязательно усаживала за стол на кухне и заставляла поесть. И он уплетал жареную картошку...

Да, Громов, о тебе некому так позаботиться, когда с кор-

поративов еле живой приползаешь...

- Наливай! - командует старик, заметно оживляясь. - Такой повод сегодня. Лидочке было бы... семьдесят пять было бы! Еще молодая совсем!

- Отец, ну, какой "наливай"? Позавчера у тебя давление шпарило за 200! Тебе вон - валерьянку пить надо, а ты все о коньяке думаешь!

- Да ты че? Да я, может, в последний раз в жизни! Да за Лидочкин день рождения не выпить? Наливай, я сказал!

Наливаю. Себе полную. Ему на донышко.

Смотрит с укоризной, но не возражает.

Не чокаясь, выпиваем. Закусываем. Молчим.

Меня немного отпускает. Даже как-то по-другому видится вся окружающая действительность.

Посматриваю на отца.

Нет, ну, в принципе, можно его и забрать.

Свою квартиру сдать. А самому снять двушку где-нибудь поближе к работе. Чтобы у каждого из нас была собственная комната. Нанять ему сиделку на день. А ночью сам присматривать буду.

От этой мысли прямо облегчение какое-то наступает. Потому что в интернат как-то неправильно... мать бы мне этого не простила!

Наливаю себе вторую.

- Тимка, - начинает отец, выразительно переводя взгляд с бутылки на свою рюмку. - Начисляй! У меня есть тост.

Со вздохом "начисляю". С бате́й спорить бесполезно.

- Выпить хочу за то, чтобы ты, наконец, понял, для чего жизнь человеку дадена.

- И для чего же? - смеюсь я.

- А чтобы не прожигать ее бессмысленно. А ты прожигаешь...

Ага, вот с тобой здесь и прожигаю! А там... Там, в Москве, сейчас такие дела без меня делаются! Вон Макс целый день пишет! И надо поскорее что-то решать... А я всё никак не могу!

И ещё теперь Алинка перед глазами всё время.

Красивая. Зараза такая.

Чего она ко мне прицепилась?

Нет, конечно, она не виновата. Это я почему-то прицепился к ней... Так и стоит перед глазами. В фартучке этом нелепом, в платице, с косой, лежащей на плече. Интересно, если косу развязать, какой длины будут её волосы?

Встряхиваюсь, пытаюсь избавиться от дурацких мыслей. Но они, как рой ос, снова слетаются на мёд. И я зачем-то фантазирую о том, как трогаю эти волосы, как сжимаю в кулаке эту тяжёлую косу, пока она стоит в догги, а я на коленях сзади...

Возбуждение обрушивается горячей волной, больно ударяя в пах. Становится жарко до головокружения.

Алинка - зараза такая... Или Алинка тут не при чем, а просто у меня давно не было секса?

От этой мысли я реально испытываю облегчение!

А ведь чего проще? Можно же просто позвонить Стасу - местному моему корешу, который заезжал пару раз недавно и всячески соблазнял на совместное времяпрепровождение... Самое время, между прочим!

-Отец, я сгоняю к Стасяну, пообщаюсь с ним. Он давно звал.

-Куда сгоняю? За руль в нетрезвом виде собрался? У нас менты по ночам всех подряд останавливают. Без прав останешься...

Собираюсь под его ворчание. Хрен знает, зачем.

Да и его надолго нельзя оставлять одного.

Но сегодня вроде ему лучше. А я просто не могу сидеть здесь!

И сажусь за руль. И еду... И ментов никаких по пути не встречается.

Да только чудесным образом вдруг оказываюсь вообще на другом конце города от того места, где живет Стас. И только подъехав и припарковавшись у подъезда, понимаю, что именно сюда провожал Алинку семь лет назад!

Я вообще просто понять не могу, как такое со мной случилось! Но я сижу в машине под её окном и чего-то жду! Такого бреда даже в страшном сне не придумать, но это есть! И это происходит со мной сейчас!

Сижу. Курю в открытое окно.

И такое совпадение, конечно, вообще, невероятно, но...

Буквально через пару минут слышу стук каблучков по асфальту. И готов руку дать на отсечение, что это Алинка!

Одна. Входит во двор из тёмной подворотни. В том же самом платье, что я видел днем. Только вместо кроссовок на ногах что-то на каблучках - в темноте не разглядеть.

Как ревнивый муж, смотрю на часы. Полночь! А она шляется где-то! А ребёнок с кем? И как ей такое муж позволяет? Я бы не позволил.

Вдруг из подворотни следом за ней вырывается какой-то мужик.

-Алина! Стой! Ну, прости меня, идиота! Я не хотел! - орёт на весь двор.

Хрен знает, зачем я выхожу из машины ему навстречу! Но... Выхожу. И решительно шагаю к ней...

3 глава

-Тимур? - моё имя в ее исполнении звучит примерно так же удивленно, как и днём, но только сейчас я буквально в каждом звуке Алинкиного голоса слышу облегчение. И даже, кажется, радость. И это вдруг... приятно! Это вдруг заставляет меня почувствовать себя героем, мужчиной, защитником, хоть меня никто и не просил ни геройствовать, ни защищать.

-Рада меня видеть снова? - бесцеремонно засовываю её к себе за спину, оказываясь лицом к лицу с мужиком.

-А ты кто такой? - бычится он. - Какого х.ра лезешь не в свое дело?

От него разит спиртным и сигаретным дымом. И он не слишком молод, а для Алинки так совсем даже стар.

-Ну, допустим, муж, - усмехаюсь я, слыша, как Алинка хмыкает за спиной.

-Да, нет, мужик, - ржёт он, разводя руками. - Муж - это я. А ты по-любому либо любовник, либо так, залётный трахарь. Наша Алиночка ещё та шлюшка. Ты в курсе?

И нет, я вовсе не уверен в том, что он не прав. Откуда мне знать, чем Алинка занималась здесь все эти годы? И да, я и сам считаю, что это - не мое дело, но...

Просто со мной происходит что-то на уровне инстинктов! Я не задумываюсь о том, что мужика надо наказать! Но меня словно кипятком обваривает яростью. Она затапливает мозг горячей лавой! И рука сама сжимается в кулак! А кулак сам взлетает вверх и врезается в его челюсть.

Костяшки обжигает болью. Но я испытываю настоящее облегчение от того, как он, пронзительно взвизгнув, хватается за лицо и сгибается пополам.

-Херовых мужиков ты себе выбираешь, - киваю на него Алинке.

Пожимает плечами и неожиданно смеётся, немного нервно, но заразительно. И мне тоже становится смешно. Правда, не надолго. Ровно до того момента, когда она начинает говорить:

-У меня всегда был отвратительный вкус в отношении мужчин.

Я вот просто всей шкурой чувствую намёк в свою сторону! И мне хочется, как пацану, сказать что-то типа: "Он испортился уже после меня" или обидеться на эти слова. Но отреагировать я не успеваю...

Мужик распрямляется, а Алинка, послав мне воздушный поцелуй, убегает к подъезду!

Стою ошарашенный произошедшим. Нет, я, собственно, ради кого сейчас, можно сказать, жизнью рисковал? Какого хрена я вступал в схватку?

-А что, награда за спасение не полагается? - кричу ей вслед.

Рядом на чьей-то машине почему-то срабатывает сигнализация. На втором этаже дома тут же открывается окно, словно кто-то там, внутри, ждал именно этого момента. И оттуда доносится противным женским голосом:

-Да есть у вас совесть, а? Или всю пропили? Мудаки! Вы в курсе, вообще, сколько времени? Я звоню в ментовку!

-Всё-всё, мы уже разбегаемся, - поджигает хвост мужик, разворачиваясь спиной ко мне и ускоряясь в сторону выхода со двора.

-И попробуй ещё возле неё появиться! - на правах победителя в драке кричу ему вслед.

Из открытого окна доносятся сдавленные ругательства и угрозы. Поэтому приходится ретироваться в машину.

Сижу.

Пытаюсь осмыслить весь размер пизлеца, который я сей-

час устроил. Какого хрена, вообще? Что я здесь делаю? Зачем вмешался? Чего добился и чего добиться хотел? Идиот!

Тем временем глаза автоматически следят за домом. Я помню, где Алинкины окна. И в них темнота. И свет не загорался. Вряд ли она там, на пятом этаже, за явно закрытой дверью, так сильно напугана, что даже свет боится включить!

"Какой же ты идиот, Тимка! - ворчит кто-то противный в моей голове голосом отца. - Чего ты сюда приперся вообще?"

Но я сижу в машине и пытаюсь осмыслить все перепетии семейных отношений в жизни Алинки, совершенно не понимая, где хрена это мне надо.

Рука тянется к ключу. Но завести машину я не успеваю.

Дверь подъезда вдруг приоткрывается, и оттуда, оглянувшись по сторонам, выныривает тоненькая фигурка в светлом платье!

Наблюдаю.

Воровато осмотревшись, она закрывает дверь и устремляется следом за мужчиной! Следит за ним, что ли?

Дожидаюсь, когда подойдет к арке, ведущей со двора. Неспеша еду следом.

Я бы и рад думать о ней так, как сказал якобы ее "муж", но... просто люблю. Казалось бы, никакого недостатка в женском внимании я никогда не испытывал, и, если уж быть честным, мог получить любую бабу в свою постель, для этого даже напрягаться не приходилось. Да и сейчас - чего проще, заехать в какой-нибудь клуб или бар, снять девчонку посим-

патичнее, и голову себе не морочить! Алинка же откровенно прикалывалась надо мной! Ей даже неинтересно, почему я вдруг оказался рядом! Она даже разговаривать со мной не стала!

Так, Громов, не пора ли проявить гордость какую-никакую и валить к отцу, тем более, что старикан там уже достаточно давно один.

Но я еду следом и пожираю ее глазами.

И что-то внутри накрывает волнами странных, давно уже не испытываемых мною эмоций! Мне хочется сжать ладонями узкую талию, подчеркнутую тонким черным пояском. Мне хочется зарыться лицом в незаплетенные сейчас волосы! Густая волнистая копна спускается ниже лопаток...

На мгновение замуриваюсь, рискуя врезаться в одну из тачек, цепочкой припаркованных вдоль тротуара. И вижу эту женщину на своей кровати, волосы эти, разметавшиеся по моей подушке. Надо же, оказывается, я это помню...

И я снова каменею в штанах. И мне противно даже думать о том, чтобы сейчас переключиться на кого-то другого, на случайную, незнакомую женщину! Не-е-ет, я Алинку хочу!

В голове созревает рискованный, но вполне себе осуществимый план.

Подъехать поближе, остановиться и запихнуть в салон тачки. Прояснить ситуацию, так сказать. И, может быть, поговорить. Естественно, можно нарваться, но если всё сделать быстро и правильно рассчитать, она и пикнуть не успеет, как

окажется внутри!

Короче, я сильно-то не успеваю продумать свои действия, просто глазами выбираю свободный участок вдоль тротуара чуть впереди нее. Но...

Какой-то чувак, непонятно откуда появившийся на встрече, опережает меня, плотненько втискиваясь на то самое место. Сигналит, мигая фарами. И я сначала думаю, что это он, типа, передо мной извиняется, но нет...

Алинка, взмахнув ладошкой, бросается к его машине и мгновенно исчезает на пассажирском.

Тачка сваливает, с места набрав скорость.

Что там мужик говорит про Алинку?

Да ну... нафиг! Это че, правда?

4 глава. Вычеркнуть из мыслей.

Господи, как же я устала!

Устала бесконечно бежать куда-то - колесо моей жизни не желает останавливаться. Да что там! Оно даже притормозить не хочет - наоборот, словно мяч с горы набирает и набирает скорость.

За день набегаешься так, что ног под собой не чувствуешь - школа с Асей, потом магазин, в котором бесконечные букеты-вазы-поставщики-заказы-звонки, потом уроки, домашние дела, обязательное посещение папы. Он сам почти не ходит после болезни.

И вот он итог - поздний вечер, Асенька спит, прижимая к себе медвежонка. А я варю суп на завтра, изо всех сил ста-

раясь не думать о сегодняшнем дне.

Господи, сколько долгих дней, а особенно ночей я мечтала о том, как Тимур появляется на моем пороге! Сколько раз пыталась представить, что он скажет, когда увидит нашу дочь! И вот это свершилось... Так неожиданно. И так нелепо.

А он ведь даже не понял, что моя девочка - и его дочка тоже. Впрочем, как он мог понять - на ней же не написано. А Сергей Васильевич ни за что не сказал бы, это я точно знаю. Он обещал не выдавать мою тайну.

Сергей Васильевич и Лидия Гавриловна узнали о том, что Ася - дочка их сына из-за моей глупости.

Потому что я, оформляя свидетельство о рождении, записала её настоящее отчество. Я не могла иначе!

Как бы ни была обижена и разочарована, как бы ни хотела отомстить Тимуру, лишить ребёнка хотя бы такой малости, как имя настоящего отца, не повернулась рука.

А у Лидии Гавриловны, оказывается, в ЗАГСе работала племянница. Ну, а о том, что я встречалась с Тимуром, знал весь город! Его мама легко посчитала сроки и поняла, что Ася - их внучка.

Они очень мне помогали! Да что там! Мой магазин куплен большей частью именно на их сбережения. А сколько Лидия Гавриловна сидела с моей малышкой! А с похоронами мамы как они мне помогали. В общем, удивительно, что никто в городе до сих пор не донёс об этом Тимуру.

Поначалу они просили разрешить им сообщить Тимуру о

дочке, но потом, когда я наотрез отказалась, пригрозив запретить им с нею общаться (это, конечно, было неправдой, я бы не смогла так обидеть моих стариков!), смирились. И держали слово, я уверена!

Я знала, что Тимур приехал в город. Знала, что он живёт с Сергеем Васильевичем уже несколько недель. Асин дедушка предупредил меня о его приезде заранее, чтобы ненароком не пришла. Он сказал, что у Тимура нелады с бизнесом, что временно надо "залечь на дно".

Это меня не удивляло. Тимур вечно попадал во всякие криминальные истории. Вот, видимо, это случилось в очередной раз.

Но вот тот момент, когда он неожиданно оказался на пороге моего магазинчика, поразил до глубины души! Я просто забыла, кто я и где нахожусь! И да, ясно, что вполне вероятно, что он просто заехал за цветами, собираясь на кладбище к матери.

А вот вечером... Даже не знаю... Глупо считать эту нашу встречу ещё одним совпадением! Впрочем, если бы Сергей Васильевич рассказал ему о нас с Асей, то он бы узнал, что в старой квартире мы давно уже не живём. Лет пять назад разменяли большую четырехкомнатную квартиру на две поменьше, потому что отец пытался устроить свою жизнь после смерти мамы, а я как-то сразу с его женщиной не сошлась. Образовавшаяся разница стала моим начальным капиталом для бизнеса.

Стою с ложкой в руке, зависнув ею над кастрюлей. Вся жизнь пронеслась перед глазами, как одно мгновение. Столько было всего и хорошего, и плохого. И большая часть этого всего безотрывно связана с Тимуром.

Хоть он этого и не знает.

Я для него была всего лишь кратковременным увлечением, так, девочка для постели. Ненадолго.

А он стал для меня целым миром. Навсегда.

Но!

Встряхиваюсь, пытаюсь насильно избавить голову от глупых мыслей.

"Нет, я не из тех, кто будет пресмыкаться и всё прощать мужчине! Я так любила его! А он мне изменял! С таким мужчиной не может быть будущего. Так и будет ходить налево" - вот такую мантру я читаю мысленно уже семь лет, когда вдруг в голову приходят нелепые сожаления.

А ещё заставляю себя вспоминать нашу последнюю встречу в статусе влюблённых.

-Тимур, Тимур, скажи мне, что это неправда! - от подступающих слез щиплет глаза.

-Конечно, это неправда, - снисходительно улыбается он.
- Поменьше слушай своих подружек.

-Аня видела вас своими глазами! - я пытаюсь заглянуть ему в глаза, но он отводит взгляд. И я чувствую, вижу, знаю, что он мне сейчас врёт! Хоть и очень хочу обмануться...

-Ну, и что она видела? Что? Как я посадил кого-то там в машину? Подумаешь!

-Нет! Она видела вас в клубе. В женском туалете. В кабинке. Мне все подробности изложить? - голос все-таки проседает, и слезы моментально начинают течь по щекам.

-Ну, да, было! Было! И что? Это была одноразовая телка. Такую только в туалете трахнуть! А тебя я, между прочим, с собой в Москву зову! Чувствуешь разницу?

Он закатывает глаза к потолку. И на лице его написано раздражение! Не страх меня потерять! Не раскаяние! А просто раздражение от того, что приходится со мной объясняться.

Именно в тот момент я окончательно и бесповоротно поняла, что никуда с ним не поеду. Потому что там, в Москве, он будет гулять и изменять мне, а я не смогу это терпеть... Да что там... Я этого могу в какой-то момент просто не пережить.

Так, всё! Окончен вечер воспоминаний!

Выключаю газ. И иду спать, старательно вычеркивая Тимура Громова из мыслей.

А утром оказывается, что Ася заболела.

5 глава. Ни дня без неожиданности

Всё утро звонит Макс. При одном из магазинов ночью сгорел склад. Вероятнее всего, это поджог. Плюс, фуру с товаром задержали на границе с Белоруссией. И это всё по телефону не решается. Мне нужно там быть! Мне нужно возвра-

щаться...

Кошусь на отца.

Он с утра сегодня отжигает круче, чем обычно.

Язвит. Придирается ко всему. Учит меня жизни.

-Отец, мне надо уехать на пару дней, - объявляю ему, собираясь в аптеку за лекарствами.

-Так поезжай. Надо ему! Мне вот никуда не было надо, когда ты маленький был! А ведь звали на работу на нефтяную вышку на Сахалине. Но ты ж болезненный был жутко, а там климат какой! Из-за тебя не поехал, потому что вахтами ездить, когда у тебя сын растёт - последнее дело! Всё для тебя старался. И вот итог. Отец при смерти, а у него всё дела, всё дела...

"Боже, дай мне терпения!" - мысленно умоляю я того, о ком не думал, кажется, никогда.

-Так, всё! Прекрати брюзжать! Я в аптеку, - с облегчением хлопаю дверью.

Аптека далеко, по прикидкам полкилометра пешком я точно отмотал. И чего машину не взял? Идиот.

В аптеке небольшая очередь - парень, девушка и две старушки. И хоть девушка увлечённо разглядывает витрину с таблетками, ни разу не обернувшись в мою сторону, я ее сразу узнаю. Нет, ну, надо же! Прямо вот ни дня без совпадений!

У меня от неожиданности даже сердце в груди начинает биться, как сумасшедшее!

Алинка...

Парень впереди отходит, получив свою долю "здоровья". Алинка пропускает бабок к кассе первыми. Они рассыпаются в благодарностях и достают каждая по целому исписанному тетрадному листу! Ну, Алинка, будешь ты тут стоять ещё долго!

Подхожу ближе. Становлюсь за ней. Хочу сказать что-нибудь, чтобы не подумала, что я её преследую! Но... В последнюю минуту передумываю и стою, очень ярко чувствуя аромат её духов. Даже склоняюсь немного к её шейке, втягивая носом запах, пока глуховатые бабки, перекрикивая друг друга объясняют, какого именно цвета были коробочки лекарств, которые у них закончились.

- Что ты делаешь? - спрашивает меня Алинка шёпотом.

Рывком поднимаю глаза с её белой шейки на стеклянную витрину, интуитивно ощущая на себе взгляд. Так и есть, смотрит на меня через стекло.

- Пахнешь приятно. Нюхаю, - максимально честно говорю я.

Бабки начинают коситься в нашу сторону, уменьшая свою громкость.

- Зачем ты меня преследуешь?

Встречаемся с нею взглядами в отражении витрины. Она такая строгая там - хмурится, между черными бровками пролегла складочка, в глазах вызов, пухлые губки поджаты.

Бабки на это ее вопрос буквально дар речи теряют, и, кажется, даже фармацевт там, за стеклом, становится в стойку,

чтобы услышать мой ответ.

А мне вдруг так кайфово становится, что просто пофиг на весь мир! Такое ощущение, что мое настроение, которое целый день болталось где-то на отметке "ноль" - "минус один", вдруг неожиданно рвануло вверх и теперь яростно стремится к десяточке! И мне хочется выкинуть что-то неожиданное, может быть, глупое, пацанское, чтобы заставить ее улыбнуться!

- Я не преследую, глупая! Эт нас судьба друг к другу толкает! Дамы, вы верите в судьбу?

- Конечно, - кокетничает одна из старушек, отрепетированным жестом поправляя очки. - Еще моя бабушка говорила: "Внучка, свою судьбу на хромой козе не объедешь!"

Прикусываю язык, запрещая себе задать ей провокационный вопрос, при каком царе были популярны такие вот прибаутки. Я усмехаюсь и ловлю Алинкин взгляд. Но она на меня не смотрит. Делает вид, что ей очень интересны таблетки на витрине.

- Так может, я тебя провожу, а? Помогу пакет с лекарствами донести? - на волне веселья делаю попытку я.

Бабки улыбаются друг другу, как будто вот сейчас их стараниями чуть ли не сложилась семья - ячейка общества. Фармацевт торопит их, устав ждать заказа. Алинка разворачивается и, не дождавшись своей очереди, направляется к выходу.

Ошарашенно стою, глядя ей вслед.

Чего она?

- Парень! - ближайшая ко мне старушка трогает за рукав.

- А?

- Чего стоишь? Сам сказал, что судьба! Догоняй!

Внутри меня поднимается протест! Потому что... А чего это я должен? Да и надо ли оно мне снова? Да и замужем же она! Вчера же этот странный мужик сказал! И не хочет она со мной общаться - это же очевидно. Настроение медленно, но неуклонно начинает опускаться...

Но словно кто-то в спину толкает - давай, догоняй ее!

И я срываюсь чуть ли не бегом за ней.

- Алинка, стой!

Догоняю, совершенно не представляя, зачем и что я ей сейчас скажу!

Ловлю за руку. Разворачиваю к себе. На мгновение вдруг мозг ослепляет вспышка - а что если поцеловать ее? Это будет и по-пацански, и глупо, и неожиданно - всё, как я и хотел! Но я и сам понимаю, что это, конечно, перебор.

Встречаемся взглядами. В ее красивых зеленых глазах такая ненависть, что я словно на стену натыкаюсь. Да в чем дело? Это потому, что я тебя тогда обидел? Ну, глупость же, честное слово! Это ж когда было-то? Двести лет назад? А сейчас, может, по-другому всё сложится...

- Что? Тебе? От? Меня? Надо? - буквально по слогам спрашивает она, выдергивая руку.

И правда, что?

- Поговорить? - футболу ей вопрос.

- Нет! - отвечает за меня.

Судорожно ищу другие варианты.

- Разговаривать нам не о чем.

Ах, не о чем! Ну, тогда, пожалуй, я всё-таки скажу то, что говорить сейчас категорически нельзя!

6 глава.

-Ладно, не хочешь, так и мне не больно-то хотелось! Тоже мне недотрога, блин! Строит из себя! А я, дурак, увидел её, обрадовался...

Разворачиваюсь и шагаю обратно к аптеке. Какого хрена вообще? Почему я за ней бегаю? Что меня заставляет это делать? Я что, идиот, совсем?

Но не выдерживаю, оборачиваюсь.

Она так и стоит, глядя мне вслед.

Как мне кажется задумчиво и грустно.

-А ты чего сюда пришёл? - повышает голос, взмахивает руками, как будто вдруг поняла, что встретились мы в аптеке, а значит, кто-то заболел, и кому-то край нужны лекарства. То есть не до шуток нам. - Сергей Васильевич заболел?

Мне хочется тоже махнуть рукой и скрыться за дверью, показав, что желание разговаривать с ней иссякло, не оставив следа. Но... разве ты не этого, собственно, добивался, Громов? Разве ты не хотел с нею пообщаться?

Говорю правду.

-Да. Старик неожиданно решил помирать. Еле ходит с хо-

дунками. По ночам у него приступы. Скорую каждый день вызываем.

-Что? - ахает она так, словно подобное, в принципе, невозможно, словно моему старику не восемьдесят через неделю, а он в полном расцвете сил. И как будто она с моим стариком знакома...

-Ты знакома с моим отцом? - поражаюсь я.

-Да. А что тебя удивляет, собственно? У нас маленький городок. Все друг друга знают, - теперь уже она медленно, осторожными шажками приближается ко мне.

Мне смешно. Женщины так предсказуемы! Стоит только попробовать повоздействовать на её жалость, сочувствие и другие нежные чувства... И вот - она в твоих руках!

Мысль о том, что вот вдруг... по необъяснимой прихоти небес, Алинка неожиданно оказывается в моих руках обжигает, заставляет затаить дыхание, чтобы потом с бешеным биением сердца не начать дышать, как бегун на стометровке.

-Тебе плохо? - сочувственно хмурится, с беспокойством глядя на меня.

Да, блять! Плохо мне! Я чувствую себя монахом, которому вдруг какой-то изверг показал сайт с порнухой! И теперь попробуй, развидеть то, что запечатлели твои глаза! А вот мои глаза запечатлели красивую Алинку. И не хотят её "развидевать"!

Но, естественно, говорю я другое.

-Ну, что ты! С чего бы мне стало бы плохо? Я ещё совсем

молод и полон сил. Разве что... унаследовал болячки от отца...

-Я могу его навестить? - она игнорирует мои жалостливые намёки на несуществующие наследственные заболевания.

Вы настолько близки, чтобы его навещать? Любопытно...

Но я не позволяю себе поразиться этой мысли. А наоборот, заставляю себя добродушно улыбнуться и сказать:

-Конечно, Алиночка! Он будет просто счастлив, если ты придёшь в гости!

А заодно... Буду просто счастлив я, потому что даже не надеялся заполучить тебя на своей территории!

-И приходи, как можно скорее, - я прямо сам чувствую, как источаю благодать своей миролюбивой улыбкой! - Можешь даже сегодня вечером.

Правда, она не улыбается в ответ.

Просто говорит "Хорошо", проворачивается и уходит прочь.

И я хочу что-то сказать ей вслед. Что-то важное... Но понимаю, что именно, только когда Алинка скрывается за поворотом.

Точно! А что она-то в аптеке делала? Кто у неё заболел?

Но угрызения совести от того, что она спросила и посоветовалась, а я ей нет, отпускают меня довольно быстро, потому что меня, походу, ждёт романтический вечер! И как этому не радоваться? Особенно в серости моего бытия....

Ведь что по сути получилось сейчас? Алинка-то просто

на меня повелась! Вот и все объяснения такому необычному её желанию вдруг не с того ни с чего посетить моего отца, который если и знаком с нею, то так, поверхностно, ведь что у них с Алинкой общего может быть? Верно! Ни-че-го! Поэтому итог очевиден - Алинка решила сдаться... Даже сильно трудиться не пришлось.

За этими философскими мыслями и на волне какого-то непонятного воодушевления, я затариваюсь таблетками, потом отовариваюсь в магазине, продумывая, что бы такое приготовить на ужин, чтобы удивить нашу с отцом гостью. Естественно, покупаю бутылочку хорошего вина. Потом, подумав, ещё и бутылку коньяка - мало ли, за годы, что мы не виделись, вкусы Алинки вполне могли измениться.

И уже на выходе из супермаркета меня вдруг посещает неожиданная и поразительная по своей сути мысль. А что если она придёт со своей девочкой?

Я про детей как-то совсем ничего не знаю. Даже не задумывался, чем их порадовать, чем удивлять. Но вдруг решаю - надо купить какую-то ерунду. Просто чтобы занять ребёнка на время, пока мы с её матерью пообщаемся.

И покупаю первого встречного медвежонка в соседнем магазинчике. Медведь, хоть и новый, выглядит немного потрепанным, словно его пару раз неплохо приложила жизнь. Но... Просто он напоминает мне игрушку, которая была у меня самого в детстве, и поэтому неожиданно мне хочется именно его купить!

-Что за расточительность? - ворчит отец, провожая взглядом каждый продукт, доставаемый мною из пакета и выкладываемый на стол. - Разве мы съедем это всё? Пропадёт! Тимка, зачем столько набрал?

-Гости к нам придут. Надо ужин приготовить, - я и сам задумчиво и с опаской смотрю на продукты. Потому что купить и придумать меню - это я запросто. А вот осуществить... Тут как-то не приходилось.

Но, как известно, безделье - друг прогресса.

К моменту прибытия Алинки я угваздываю всю кухню, но успеваю накрыть шикарный стол.

7 глава

Она приезжает не одна.

С молодым смазливый мужиком, по самую шею забитым причудливыми тату.

Пока они там общаются в зале с отцом, я пришибленно обтекаю на кухне.

Ну, что, Громов, накрылся твой романтический ужин? А то, может, ты и её хахалю предложишь вместе откусать? Свечки зажжешь? В принципе, можешь сам даже в коридорчике подождать, пока они поедят.

Ты такой придурок, Громов! Ты ж знал, что она замужем. Ты был в курсе, что у неё всё в шоколаде. Так какого хрена понапридумывал себе вот это вот всё?

И, главное, даже тени сомнения не возникло, что делал что-то неправильно!

Сажу на табуретке, вяло и разочарованно жую рыбу в кляре, руками отрывая кусочки.

Да, Алинка, ты - сплошное разочарование какое-то.

Кошусь на открытую бутылку вина. Открыл заранее, чтобы при ней не мучиться позорно с тупым старинным отцовским штопором. Не корчиться, пытаюсь пробку вытащить.

Наливаю. Большими глотками осушаю его до дна, надеюсь, что вино поможет как-то унять моё разочарование...

И вдруг дверь открывается и на кухню входит Алинка!

Удивлённо обводит глазами стол. Потом смеряет взглядом бутылку, а потом меня.

-Твоему отцу нужна диетическая пища. Он говорит, что желудок побаливает и изжога мучает постоянно. А ты ему чего наготовил? - кивает на рыбу, запеченные рулетики из баклажанов с сыром и чесноком и котлеты.

Мысль сказать ей сейчас, что я вообще-то для неё это наготовил, я выбрасываю из головы сразу. Как, впрочем, и все возможные оправдания. И иду в наступление, подхватившись со своего места.

-А ты что, доктор, что ли? Да и с чего тебе вдруг так мой отец сдался? Или, может, он тоже из бывших клиентов?

Некоторое время она непонимающе смотрит в мои глаза, а потом пораженно ахает, коротко размахивается и отвешивает мне пощёчину!

А я и без того был на взводе!

И с меня в одно мгновение слетает все моё напускное доб-

родушие и терпение. И я, наконец, становлюсь тем, кем был всегда - бескомпромиссным, немного, наверное, жёстким, и жутко вспыльчивым человеком.

Ведь, вообще-то, это твой "муж", Алиночка вчера мне сказал про тебя нечто нелицеприятное. И ты это сама слышала!

Хватаю её за руку. За ту самую, которой она мне врезала по лицу. Сжимаю, дёргаю на себя, заставляя впечататься в своё тело. И крепко прижимаю к своей груди.

Ахнув, замирает, уткнувшись ладонями в мою грудь.

Смотрю в испуганные глаза. Сердце её так бешено стучит в груди, что его биение в моем теле отдаётся! Впрочем, может, это моё так...

Заглядываю в испуганные глаза, рывком разворачиваю её спиной к стене.

Задирает личико вверх. Она такая маленькая, такая хрупкая рядом со мной, что мне становится страшно сделать больно.

-Я кричать буду, - шепчет еле слышно.

Таким голосом не кричат.

-Будешь кричать, - мой голос неожиданно хрипло звучит.

- Я тебя поцелую. Так что давай!

-Там Гриша и Сергей Васильевич...

Склоняюсь к её ушку, нарочно чуть касаюсь губами, шепчу в него:

-А ты хотела бы, чтобы мы были вдвоём?

-Громов! - возмущённо и достаточно громко. - Отпусти немедленно!

-Сама напросилась, - констатирую я, вмиг пересохшими губами прижимаясь к её губам.

Меня накрывает странным чувством. Когда возбуждение настолько сильно, что ты не понимаешь, что там, за пределами ваших тел, ваших губ. Когда тебе всё равно - пожар или взрывы где-то за пределами вашего мира.

Просто шумит в ушах.

Просто есть только женщина.

Тёплая. Очень красивая. Пахнущая розами, а может, какими-то другими своими цветами. Но сладкий её аромат уже заполнил тебя всего до краев и ты не хочешь с ним расставаться.

Язык уверенно протискивается между её стиснутыми зубами. Ожогом ощущается прикосновение к её влажному мягкому язычку.

Я чувствую, как она отталкивает, упираясь ладошками в мою грудь. И это досадно. Кусаю её пухлые губки. Зализываю укусы языком. Мне одновременно хочется просто невыносимо причинить ей боль и... сделать приятно. И как это совместить именно в этот конкретный момент, я не знаю!

Она сдаётся и обмякает в моих руках, когда я спускаюсь с поцелуями по шее и прикусываю мочку маленького ушка с небольшой серёжкой-капелькой. Перекаत्याю серёжку на языке. Это неожиданно яркое ощущение - когда женщина,

ахнув, оседает, сдаваясь... Позволяя мне всё.

Я слышу голос отца гулко, далеко от себя, не разбирая ни слова, и как медленно он приближается сюда, к кухне. Слышу, как щёлкают по полу металлические ножки его ходунков.

Но я отрываюсь от неё с таким трудом, что мне от этого буквально больно...

Смотрю в глаза, не понимая, где мы, как так получилось, что она вот - рядом, со мной, в моих руках! И мне от этого очень хорошо. И почему-почему всё это время это было невозможно?

Она приходит в себя быстрее. Толкает куда-то в живот своими ручонками. И я отступаю. Но не потому, что так хочет она! А потому что отец и её хахаль уже завернули в коридор, судя по звукам.

Она судорожно поправляет волосы.

На неё мне вообще лучше не смотреть сейчас. Потому что она такая... Трепетная, возмущённая и удивлённая одновременно. Она выглядит так, словно её тут, возле стеночки отлюбили по полной. И как тут ни приглаживай волосы, скрыть уже не получится!

И, честное слово, мне это заходит! Так заходит, как давно уже не было...

Выдыхаю. Показываю ей на стул. Наливаю в два бокала вина.

Послушно садится, не глядя на меня.

-Ну, что, давай выпьем за встречу? - салютую ей бокалом, давая возможность за ним скрыться от приближающихся к нам гостей...

8 глава.

Соображать я начинаю где-то к середине ужина. И даже получается начать улавливать суть разговора за столом.

С удивлением осознаю, что я что-то ем, не ощущая ни вкуса, ни запаха.

А до этого было чувство, словно меня оглушили чем-то тяжёлым, а потом ещё поместили в какой-нибудь колодец с гулкими стенами.

Вгляд нервно скользит по всему, что есть на кухне Сергея Васильевича, изо всех сил стараясь ни в коем случае не коснуться Громова.

Дааааа, у меня на его счёт есть одна неприятная, прямо скажем, теория. Заключается она в том, что Громов использует какие-то специальные афродизиаки, которые выключают мой разум и включают что-то животное во мне, когда он оказывается рядом. Это неприятно, досадно, но хотя бы в какой-то степени оправдывает моё безволие и слабость в отношении него.

Только что это? Какого-то чётко выраженного запаха, например, который я смогла бы идентифицировать, не ощущаю. Да и не тот он человек, чтобы пользоваться какими-то там уловками, чтобы привлечь женщину. У Громова все просто и примитивно - увидел, захотел, взял. И женщинам это

почему-то нравится...

-Ты согласна, Алиночка? - обращается вдруг ко мне Сергей Васильевич.

Я помню, что он говорил что-то там про отвратительное качество нашей местной медицины. Но с чем именно я могу сейчас согласиться, хоть убейте меня, не понимаю!

-Простите, задумалась, - смущённо улыбаюсь Грому-старшему, просто всей своей кожей ощущая, как внимательно сканирует меня Громов-младший!

-Я говорю, что Тимур мог бы помочь вам с Гришей в сборке стеллажей в вашем магазине. Тимур же по образованию инженер, это потом променял хорошую профессию на какой-то там непонятный "бизнес"!

Ах, речь с медицины уже успела каким-то чудесным образом перейти на стеллажи!

Укоризненно смотрю на Сергея Васильевича. Нет, я, конечно, понимаю его. Они с Лидией Гавриловной даже не пытались скрывать, что хотели бы, чтобы мы с Тимуром были вместе. Но из двух вариантов - молчать на эту тему и общаться с внучкой, или говорить, что угодно вдалеке от неё, выбрали первое. Поэтому сейчас поведение Сергея Васильевича меня просто удивляет!

-Да, мы и сами справимся, - Гриша насмешливо смотрит на Тимура, пытаясь, видимо, защитить меня от него и видом своим дать ему понять, что в цветочном магазине не будут рады такому помощнику. Но...

Тут надо знать Тимура! Мне кажется, когда-то я его очень хорошо изучила! Бросать вызов Громову - всё равно, что махать красной тряпкой перед мордой рассерженного быка! Он примет вызов, что бы ни случилось!

А теперь, когда он ясно дал понять, что хочет меня снова заполучить в свою постель, на время пока приходится в нашем Богом забытом городке скучать с больным отцом, уж точно не упустит момента, пойти в наступление!

Но то ли я слишком плохо знаю Громова, то ли он сильно изменился с момента окончания наших недолговечных отношений, Тимур вдруг говорит другое:

-Боюсь, что завтра мне нужно будет отъехать в Москву на пару дней.

-А как же Сергей Васильевич? - ахаю я.

-Ну, а что делать, если надо? - пожимает плечами Громов-старший. И вроде бы он старается не показать своих чувств, но я вижу по взгляду, что старик расстроен и даже, кажется, немного боится остаться в одиночестве.

-Всего пара дней, - спокойно поясняет Тимур, как будто сейчас речь идёт вовсе не о жизни его отца, а о каких-то мелочах. - Если что, соседку попрошу присмотреть.

Ужас какой! Бесчувственный мужлан! Истукан просто! Отцу вон, совсем туго, дважды за ночь скорую вызывают, и при этом он его на двое суток одного бросить хочет! Нет, ладно бы хоть днём оставлял, но к вечеру возвращался - так я с матерью сидела, когда она совсем плоха была. А тут про-

сто на произвол судьбы!

И я, конечно, понимаю, что моё предложение непременно вызовет подозрения у Тимура! Он и так уже придумал невесть что про меня и своего отца! Но при этом, кстати, разрешил навестить его и даже накрыл стол... Но, с другой стороны, с какой это стати я должна думать о том, что там подумает Громов? Пусть думает обо мне всё, что пожелает!

-Сергей Васильевич, давайте мы с Асей здесь с вами поночуем, пока вашего сына не будет?

Намеренно не называю Тимура по имени. Мне хочется хоть немного уязвить его за то, что он сделал только что! За поцелуй этот сумасшедший! А главное, за то, что для него этот поцелуй был развлечением, а для меня... Шоком! Чувственным открытием каким-то...

Встречаюсь взглядами с Гришей. Гриша живёт по соседству. Мы с его девушкой Стасей дружим. Гриша в курсе моих сердечных дел и даже знает про Громова. Гриша и Стася помогают мне в магазине - Стася дважды в неделю работает продавцом, а Гриша иногда - водителем.

Гриша смотрит на меня так, словно подозревает в сумасшествии! Ну, а я что?! Как я могу не помочь этому человеку? Они с женой столько для меня сделали!

-О, Алиночка, - говорит Громов-старший, бросая на меня виноватый взгляд. - Разве я могу так обременять тебя? Не стоит! Не нужно! Я и сам как-нибудь обойдусь...

Не успев толком договорить, хватается за сердце и блед-

неет. О, Боже! Вот только этого не хватало!

Поим Сергея Васильевича сердечными каплями, отводим под руки в постель. Меряю давление, считаю пульс. Через полчаса, когда ему становится чуть лучше, уходим с Гришей. Я - в полной уверенности в том, что просто обязана быть здесь завтра ночью, потому что человек без помощи просто может умереть!

-Я так устал сегодня, - этой фразой встречает меня Сергей Васильевич, когда мы с Асей во второй вечер нашего дежурства появляемся в его квартире.

-Как так устал? - поражаюсь я, оглядываясь вокруг. В квартире идеальный порядок. Не то, чтобы при Тимуре здесь было прям грязно, но сегодня видно, что убирались по полной. Смотрю на старика с подозрением. Если Громова-младшего не было дома, получается вот это всё сделал Громов-старший, тот, который "при смерти"? - Вы что, это всё сами прибирали? Пылесосили и даже мыли полы?

- Сам, конечно! В нашем с Лодочкой доме никогда не было всех этих новомодных клинингов-шлимингов. А в грязи сидеть стыдно! Что я, без рук совсем? Думаю, девчонки вечером придут, а в моей берлоге такой вот бардак! - подмигивает Асе, забравшейся к нему на диван с ногами. - Я ещё и суп сварил. Думаю, Алиночка с работы, Асенька из школы...

-А какой у тебя суп, деда? - оживляется, действительно, голодная Аська.

-С галушками! - радуется старик, зная, что угодил внучке

и это - её любимый. - Ещё горяченький.

С подозрением смотрю на него. Что-то тут не сходится! Он же позавчера с сердцем мучился вечером! Еле откачали. Да и не зря же Тимур с отцом "прозябает" в нашей глуши? Но на умирающего Сергей Васильевич не очень-то сегодня похож.

Впрочем, может, ему, и вправду, легче.

А может... Вот так напряжется днём, а потом у него ночью приступы? Потому что не жалеет себя.

-Как вам, Сергей Васильевич, не стыдно! - ругаю его, пока идём на кухню.

Он, кстати, достаточно бодро передвигает свои ходунки. Посматривает на меня смущённо и заискивающе.

-Зачем вы так над собой издеваетесь? Вы же столько лекарств принимаете! Вы же скорую на прошлой неделе пять раз вызывали! Вам же лежать надо!

-Вот! Заладила! Асенька, передай своей маме, - как обычно в минуты недовольства мною из-за моих нотаций Громов-старший переводит стрелки на Асю и как бы разговаривает со мною через неё. - Что движение это - жизнь! И если дед не будет двигаться, то быстро ласты склеит!

-Деда, а где у тебя ласты? - смеётся дочка, внимательно осматривая на его ноги в растоптанных домашних тапочках.

-Да вот под тапками и есть ласты! Хочешь покажу?

Мой отец и Сергей Васильевич очень разные люди. Нет, они оба любят свою внучку! Просто Громов умеет с детьми

обходиться и видно, насколько ему же самому доставляет удовольствие общаться и играть с Асей, а мой отец - человек более закрытый, больше в себя погружённый, может, даже эгоистичный в чём-то. Он лучше денег внучке даст или купит какие-то игрушки, чем просто посидит и поболтает с ней.

Смешно даже! Мне иногда кажется, что Сергей Васильевич - мой отец, а вот мой настоящий - Тимура. Так было бы логичнее и правдоподобнее...

Едим суп. Потом мою посуду, прислушиваясь, как там, в гостиной, дед с внучкой учат заданное на дом в школе стихотворение. Ставлю остатки еды в холодильник, зачем-то отмечая про себя, что завтра приедет Тимур и ему будет, что поесть.

Глупо даже думать об этом человеке! Очень глупо!

Нет, я и сама понимала семь лет назад, с кем связываюсь! Я видела, какой он - нагловатый, уверенный в себе, очень популярный и красивый бабник. Но... Я была влюблена в него по уши задолго до того, как он обратил на меня внимание! Да я просто потеряла голову!

И верила, дурочка, его словам о любви, его обещаниям. И он стал моим первым мужчиной...

А потом я узнала, что он мне изменяет. Наверняка узнала. И он, кстати, долго отпираться не стал.

- Ну, да, было! Было! И что? Это была одноразовая телка. Таковую только в туалете трахнуть! А тебя я, между

прочим, с собой в Москву зову! Чувствуешь разницу?

Я его, кстати, в тот вечер простила. Потом, когда начал обнимать и шептать, что любит только меня, сдалась. Потому что была душой! Потому что очень любила! Потому что верила... Потому что уже была беременна. Хорошо хоть ему об этом додумалась не рассказать!

Но прошло совсем немного времени и я нашла в бардачке его машины трусы. Кружевные женские трусики красного цвета. Я и в бардачок-то полезла случайно! Мы ехали куда-то. Солнце светило в глаза. Тимур попросил достать солнцезащитные очки, а я достала... трусы.

Он снова врал. Клялся, что это не его.

Ну, что не его было ясно и без клятв...

Потом признался. Снова обещал, что подобное больше не повторится.

А потом моей маме, которая уже давно болела, резко стало хуже. И, может быть, именно её болезнь заставила меня взять себя в руки, перестрадать, перемучиться, но не поехать с ним! Мама тогда мне тогда в последний раз помогла...

Посмотрев телевизор, укладываемся спать.

Утром приходится встать намного раньше, потому что до школы отсюда нам дальше, чем из своей квартиры. Когда звонит будильник, за окном ещё темно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.